

РАМОЧНАЯ МОДЕЛЬ МАТРИЧНОГО ЯЗЫКА И ПЕРЕКЛЮЧЕНИЕ КОДОВ В РЕЧИ БИЛИНГВОВ¹

К. Майерс-Скоттон

Университет штата Мичиган, Ист-Лансинг, США

Статья вкратце раскрывает сущность рамочной модели матричного языка и модели 4-М, разработанных К. Майерс-Скоттон и ее последователями. Модель РММЯ описывает процесс речепроизводства в виде последовательности этапов, особое внимание уделяется переключению кодов в двуязычной речи. Объясняется выбор билингвами одного из языков в качестве матричного. Матричный язык обеспечивает морфосинтаксическую рамку высказывания, а также большую часть его значимых элементов. Встраиваемый язык может внести некоторые текстовые элементы, которые удовлетворяют предполагаемым значениям как более правильные по сравнению с элементами матричного языка. Встраиваемый язык также может внести в высказывание целые предложения («острова» встраиваемого языка). РММЯ представляет собой модель грамматической рамки и не связана напрямую с моделью социальных значений, хотя некоторые термины (прежде всего, матричный или встраиваемый язык) могут использоваться в обеих моделях.

Ключевые слова: переключение кода, матричный язык, встроенный язык, содержательные морфемы, системные морфемы, поздние соединительные морфемы, поздние внешние морфемы.

Введение

Рамочная модель матричного языка (РММЯ — MLF) [11; 12], дополненная моделью классификации морфем 4-М [16; 17], представляет собой теорию речемыслительной деятельности и речепроизводства у билингвов в ситуации языкового контакта. Эта модель вдохновила многие исследования двуязычной речи в различных языковых парах, поскольку она четко объясняет различные двуязычные модели поведения, частью которых является переключение кода. Модель РММЯ пользуется широкой популярностью как среди лингвистов, так и среди психолингвистов.

Три основные предпосылки, обосновывающие рамочную модель матричного языка, таковы [11; 13]:

1) Роль языков в двуязычном предложении неодинакова.

2) В двуязычных членах предложения не все типы морфем могут в равной степени происходить от матричного и от встраиваемого языков.

3) Принцип системных морфем ограничивает использование морфем матричного языка, выстраивающих структуру предложения.

Рамочная модель матричного языка

Двуязычная речь в ситуации языкового контакта характеризуется присутствием морфем, лексем либо синтаксических структур двух или более языков в одном предложении (высказывании)². В речи билингвов действует принцип однородной структуры, который означает доминирование одного из языков (L1 или L2) в построении морфосинтаксической структуры фразы. Принцип однородной структуры подразумевает, что билингв в построении речи стремится к логике и избеганию хаоса в морфологии и синтаксисе. Это своеобразие речемыслительной обработки и производства двуязычной речи — характерная особенность переключения кодов. Следует отметить, что источник грамматической структуры в двуязычном предложении может соответствовать либо родному, либо второму/иностранному языку. В любом случае дисбаланс, асимметрия между участвующими языками существует. Язык, структуры которого предпочтительны в двуязычной речи, называется матричным языком. Встраиваемым языком называется язык, морфемы, а также лексемы и фразы из которого встра-

¹ Перевод авторского материала — Е. В. Шелестюк.

² То есть это речь с элементами интерференции и интеркаляции. Ее также можно трактовать как пиджинизированную речь (Е. Ш.).

иваются в матричную структуру, участвуя в построении высказывания [12].

Ключевой особенностью модели РММЯ является то, что она дифференцирует как участвующие языки, так и типы морфем на ряде абстрактных уровней. Она подчеркивает асимметрию, претендуя на решающую роль в двуязычном предложении только для одного из участвующих языков — матричного. То есть, отражая принцип однородной структуры, рамочная модель матричного языка ограничивает роль встраиваемого языка предоставлением либо содержательных морфем в смешанных компонентах, либо составляющих на уровне фразы («островов» встраиваемого языка), либо того и другого. Асимметрия также дифференцирует содержательные и системные морфемы и их участие в переключении кодов. Модель предполагает, что эти два вида асимметрии (матричный vs встраиваемый языки, содержательные vs системные морфемы) применяются повсеместно в классическом переключении кодов.

Итак, абстрактная грамматическая структура в двуязычном предложении происходит только из одного из участвующих языков. Какой из языков-участников является матричным, а какой — встраиваемым, часто (но необязательно) определяется основным и вторым языком носителя (матричный язык — основной, а встраиваемый язык — второй). Варьирование матричного и встраиваемого языков от высказывания к высказыванию также тесно связано с закрепленностью того или иного языка за определенной сферой коммуникации.

Содержательные морфемы определяют (назначают) или получают тематические роли; прототипические системные морфемы представляют собой аффиксы и некоторые функциональные слова, такие как артикли (определители) и клитики.

Рамочная модель опирается на два принципа, которые можно интерпретировать как гипотезы о различных ролях участвующих языков. Они были впервые представлены в [11] и [13]. Первый принцип касается порядка морфем, второй принцип — наличия системных морфем. Оба принципа выступают как критерии; по сути, они определяют, какой язык является матричным.

Примеры проявления рамочной модели матричного языка в двуязычной речи:

- Турецкий — нидерландский

O diyor ben uitmak-en *yap-tı-m* diyordu kız-ınam
He says 'I broke up with a girl'.

Пример взят из корпуса турецко-нидерландских фрагментов речи с переключением кодов. Турецкий

глагол занимает конечную позицию, и в данном примере флексивный (основной) глагол *уар* (*do*) встречается после предиката (нидерландский инфинитив), а не перед ним, как это было бы в нидерландском языке. Эта конфигурация подтверждает принцип порядка морфем, который гласит, что только один из участвующих языков обеспечивает порядок морфем в таких конструктах. Обращает на себя внимание тот факт, что все случаи согласования субъекта и глагола происходят из турецкого языка. Это согласуется с принципом системных морфем, который утверждает, что только один из участвующих языков предоставляет определенный тип системной морфемы, называемой поздней внешней («аутсайдерской») системной морфемой в модели 4-М. Согласование подлежащего и сказуемого является такой морфемой, такими морфемами следует считать и управление глаголом дополнениями.

Основываясь на принципах порядка морфем и системных морфем, мы можем идентифицировать турецкий язык в данном случае как матричный.

- Суахили — английский

Ø-saa hi-yo i-na-*depend* na Ø-*certificate* z-ako z-a
Ø-shule

At this time, it depends on your school certificates.

Пример также демонстрирует оба принципа. Обратите внимание на место слова *certificate* и его модификаторы; здесь прослеживается порядок слов, свойственный суахили, а не английскому. Кроме того, хотя основной глагол *depend* происходит от английского, внешняя морфема (*i-*, класс 9) происходит из суахили, согласуясь с подлежащим, упомянутым ранее (*saa hiyo* — вводная фраза, а не подлежащее). Эти данные подтверждают, что суахили в этом примере является матричным.

Интересной областью модели матричного языка являются случаи двуязычных высказываний, в которых участвуют два неродственных, далеких друг от друга типа языка. В таких случаях можно говорить не о классическом случае переключения кода, а о сложном (составном, *composite code-switching*) переключении, в котором абстрактная грамматическая структура, лежащая в основе поверхностных структур, по-прежнему происходит в основном из одного языка, но включает части другого [12; 17]. Иначе говоря, сложное кодовое переключение — это билингвальная речь, где, несмотря на доминирование одного из участвующих языков при обеспечении морфосинтаксической рамки, некоторая часть абстрактной структуры, лежащей в основе рамки, принадлежит более чем одному

языку, то есть другой из участвующих языков также принимает участие при структурном оформлении высказывания.

Общая модель производства языка состоит из четырех уровней: концептуального, ментального лексикона, формулятора и поверхностного [10]. Концептуальный уровень является долингвистическим и включает в себя намерения говорящего, а также когнитивные компоненты, такие как память. Решающим фактором в выборе матричного и встраиваемого языков на концептуальном уровне является то, какая запись леммы (МЯ либо ВЯ) лучше всего передает семантические и прагматические намерения говорящего [9]. Намерения активируют семантические и прагматические черты, которые взаимосвязаны и указывают на специфические для языка леммы в ментальном лексиконе.

Матричный язык выбирается именно на концептуальном уровне. При этом важно, чтобы говорящие имели хорошие компетенции в языке, выбранном в качестве матричного, поскольку он обеспечивает грамматическую основу двуязычного предложения. Зачастую матричным является первый язык говорящих, хотя это необязательно. Выбор языка в качестве матричного языка в значительной степени бессознателен, и этот процесс опирается на различные ресурсы, особенно на когнитивную систему участника (то есть память о социальных аспектах контекстов по сравнению с текущими контекстами).

Но проверка матричного языка на удовлетворение семантических и прагматических намерений не является единственной проблемой на концептуальном уровне. Переключение кодов на этом уровне также подразумевает процесс сопоставления и проверки матричного языка на предмет абстрактных требований, предъявляемых к его структуре для потенциального встраивания элемента в двуязычное предложение [15]. Это называется проверкой конгруэнтности языков, включающей необходимую степень семантического соответствия, но еще более критично — грамматического соответствия структур языков.

На уровне ментального лексикона важными становятся леммы — начальные, словарные формы слова, выступающие в ментальном лексиконе как абстрактные единицы, которые поддерживают процесс реализации актуальных лексем. Леммы задают направления высказывания, сопоставляя семантическую информацию с грамматической структурой, накладывая первую на последнюю, направления, необходимые на следующем уровне — формуля-

торе. Леммы содержат информацию, выходящую за рамки значения слова, — о тематических ролях и селекционных ограничениях, которые имеют синтаксические последствия, такие как структура аргументов. Например, глагол *hit* присваивает субъекту и объекту тематические роли агенса и пациенса соответственно. Другие леммы в ментальном лексиконе лежат в основе поздних системных морфем, которые становятся заметными на уровне формулятора и выстраивают уже синтаксическую структуру.

Леммы указывают на специфические для языка морфосинтаксические ограничения, расположенные на уровне формулятора, который включает более крупные составляющие. Ментальный лексикон также содержит специфические для языка обобщенные лексические знания, которые отражают грамматическую компетентность носителей языков [12; 15].

Согласно В. Левелту именно леммы направляют установление морфосинтаксической рамки в высказывании [10]. Процедура установления вышеназванной рамки, основанной на психолингвистической теории двуязычного речеобразования, выглядит следующим образом:

- 1) коммуниканты определяют леммы, отвечающие их коммуникативным намерениям, то есть решают, что они хотят передать словами (выбор языка, кодирование семантической и прагматической информации);
- 2) матричный язык обеспечивает рамку высказывания, где есть содержательные морфемы;
- 3) леммы отправляют информацию формулятору, который реализует процесс кодирования морфосинтаксической информации;
- 4) появляется единая поверхностная фонологически оформленная структура.

Обобщенные лексические знания играют важную роль в проверке конгруэнтности языков, они объясняют, как лемму встраиваемого языка, не имеющую близких аналогов в матричном языке, можно включить в матрицу при переключении кода. Функции леммы могут быть проверены по обобщенным лексическим знаниям матричного языка.

Неполная конгруэнтность может иметь последствия для кодового переключения. Значительные несоответствия означают, что при переключении кодов не возникает оптимальной рамки, в которой компоненты встраиваемого языка полностью обрамлены матричными структурами. Вместо этого могут возникать компромиссные стратегии, такие как целые правильно сформулированные фразы

на встраиваемом языке («острова»), включенные в высказывания на матричном языке. Иногда содержательные морфемы встраиваемого языка встречаются в фрагментах матричного языка в виде «голых форм» (то есть, собственно, имен лемм), без системных морфем матричного языка и морфосинтаксических процессов. То, что «голые формы» встречаются в двуязычных высказываниях, свидетельствует о том, что матричный язык для говорящих является абстрактным конструктором, приблизительным, но необязательно идентичным морфосинтаксической системе языка, который является его источником.

Уровень формулятора предполагает трансформацию превебального сообщения в лингвистическую форму. К. Де Бот рассматривает два возможных варианта этого уровня:

- 1) существует отдельный формулятор и отдельный лексикон для каждого языка;
- 2) существует одна большая система хранения всей информации [5. Р. 104].

Уровень поверхностных структур (актуализированный порядок слов, формальные показатели матричного языка и др.) и артикулятора (фонетический план, где посредством артикулярно-моторной системы осуществляется производство речи) является последним уровнем в производстве двуязычного высказывания.

Модель 4-М

Модель 4-М дополняет рамочную модель матричного языка, предлагает более точное описание типов морфем, рассматривая их с точки зрения их синтаксических ролей и того, как они активируются в речепроизводстве. Для удобства в модели используется термин «морфема» для обозначения как собственно структурных компонентов слов (морфов), лежащих в основе поверхностных структур, так и самих реализаций поверхностных структур, то есть синтаксических целых (синтаксем) или формально-синтаксических компонентов. В модели выделяются следующие типы морфем (они играют важную роль в обеспечении принципа однородной структуры):

- 1) содержательные морфемы — соответствуют определению, данному в РММЯ. Их отличительным признаком является активизация на концептуальном уровне, то есть активизируют их прелингвистические интенции говорящего (до того, как активизируется определенный язык);
- 2) ранние системные морфемы — также активизируются на концептуальном уровне. Леммы

в ментальном лексиконе, лежащие в основе содержательных морфем, активизируют леммы, лежащие в основе ранних системных морфем. Ранними системными морфемами называются в силу гипотезы о ранней активации в процессе производства речи. В качестве примера ученые приводят следующие морфемы: показатели множественного числа, детерминанты (в английском языке определенный артикль the и неопределенный артикль a, an), предлоги, которые меняют значения фразовых глаголов в определенных контекстах.

Рассмотренные два типа морфем относятся к концептуально-активируемым морфемам. Следующие два типа морфем лингвисты определяют как поздние системные морфемы, которые активизируются на уровне морфологической реализации моделей встраиваемого языка. Поздними данные морфемы называются в силу того, что они активизируются на втором абстрактном уровне — формуляторе. Поздние системные морфемы делятся:

- 3) на поздние соединительные морфемы (bridge system morphemes);
- 4) поздние внешние морфемы (outsider system morphemes).

Поздние соединительные системные морфемы устанавливают иерархические отношения между содержательными морфемами в словосочетаниях, то есть служат «мостом» между ними. А поздние внешние системные морфемы устанавливают грамматические отношения между содержательными морфемами за пределами словосочетания. К поздним соединительным системным морфемам ученые относят предлоги со значением притяжательности, притяжательные местоимения, указательные местоимения и др. К поздним внешним системным морфемам исследователи относят союзы, вспомогательные глаголы, глаголы-связки, отрицательные местоимения, отрицательные частицы и др.

Рассмотрим эти морфемы подробнее. Основное разделение происходит между морфемами, которые активизируются концептуально (например, существительные и глаголы в роли подлежащих и сказуемых), и теми, которые назначаются структурно (например, грамматические суффиксы). Морфемы, которые концептуально активизируются, называются содержательными. Они основаны на долингвистических намерениях говорящего. Морфемы, которые структурно назначаются, называются системными. Из них ранние системные морфемы (например, аффиксы множественного числа) также концептуально активизируются; они конкретизируют значение соответствующих содержательных морфем,

которые «косвенно избирают», то есть имманентно предполагают, эти ранние системные морфемы [3]. Поздние системные морфемы структурно назначаются и распределяются; они контрастируют как с содержательными, так и с ранними системными морфемами. Этот факт имеет много последствий как для одноязычных высказываний, так и для двуязычных высказываний в условиях языковых контактов.

Гипотеза дифференциального доступа

При переключении кодов и в соответствии с принципом однородной структуры распределение типов морфем в матричном языке и встраиваемом языке совершенно различается. Эти различия существуют не только в распределении между содержательными и системными морфемами, но и внутри самой категории системных морфем. Признание этого мотивирует новые способы классификации морфем и приводит к модели 4-М. В свою очередь, то, как модель 4-М классифицирует типы морфем, приводит к гипотезе, что абстрактные различия на уровне речепроизводства объясняют различия на поверхностном уровне в типах морфем. Гипотеза дифференциального доступа предполагает, что различные типы морфем в рамках модели 4-М доступны на абстрактных уровнях процесса речепроизводства дифференциально. В частности, доступ к содержательным морфемам и ранним системным осуществляется еще на уровне ментального лексикона, а поздние системные морфемы не активируются до уровня формулировки, или формулятора [12; 14].

Гипотеза состоит в следующем. Как уже отмечалось, леммы, лежащие в основе содержания, и ранние системные морфемы направляют построение более крупных лингвистических единиц, содержат информацию о назначении поздних системных морфем. Эти поздние системные морфемы становятся заметными только тогда, когда они структурно назначаются формулятором. Это перекликается с мнением М. Гарретта о том, что «первостепенные и второстепенные грамматические слова категорий ведут себя совершенно по-разному» [7. Р. 81]. Однако он и другие исследователи, например С. Ульман [18], который утверждает, что грамматика и лексика являются двумя отдельными системами, не дифференцируют распределение различных типов системных морфем.

Ранние системные морфемы, соотносящиеся со своими содержательными морфемами, становятся основными строительными блоками составных

структур, таких как существительное-подлежащее, глагол-сказуемое, прилагательное-определение (NP, VP, AP). Тем не менее они по-прежнему являются системными морфемами, потому что только содержательные морфемы получают и назначают тематические роли. Ранние системные морфемы могут быть свободными или связанными. Например, определенные артикли в английском языке всегда встречаются с существительными.

Примерами ранних системных морфем являются также грамматические словоизменительные и словообразовательные аффиксы. К сожалению, на сегодняшний день мало исследований, включающих количественные данные о распределении ранних системных морфем. Однако в одном количественном исследовании, рассматривавшем артикли в испано-английском корпусе двуязычных высказываний, 151 из 161 (94%) английских существительных в функции подлежащего встречаются с испанскими артиклями, такими как *el garage*. Испанский язык может быть идентифицирован как матричный, поскольку подавляющее большинство этих смешанных подлежащих, отражая принцип однородной структуры, через артикли поддерживают структуру матричного языка, хотя само существительное происходит от английского. Однако, как и ранние системные морфемы, определенные артикли могут поступать из встраиваемого языка, не нарушая принципа системных морфем, как, например, в палестинском арабско-английском высказывании *el pharmacy is very boring*.

Глагольные послелогии, которые часто встречаются с фразовыми глаголами, также являются ранними системными морфемами, потому что они зависят от главного слова и изменяют его значения. В соответствии с рамочной моделью матричного языка эти и другие производные морфемы могут происходить из встраиваемого языка, поскольку они не являются типом морфем, который ограничивает принцип системных морфем. Ср. пример суахили-английского высказывания: *u-na-chase after* (вы преследуете).

Маркеры числа

как типичные ранние системные морфемы

Возможно, наиболее распространенным видом ранних системных морфем, изученным в классических корпусах кодовых переключений, является маркер множественного числа. Язык происхождения маркера множественного числа в переключении кодов варьируется, возможные комбинации следующие: 1) маркировка множественного числа

встраиваемым языком, ср. валлийско-английская фраза у *highway-s* na'r dual *carriageway-s* (на автомагистралях или на двух проезжих путях), марокканский арабо-голландский пример *duk artikel-en* (эти артикли); 2) без маркировки множественного числа, ср. суахили-английская фраза на *date zingine* (с другими датами); 3) маркировка множественного числа матричным языком, ср. турецко-нидерландская фраза *klant-lar weg jag-en* (customer-pl chase-away — прогонять клиентов); 4) маркировка множественного числа, маркированного как встраиваемым, так и матричным языками, ср. ачоли-английский пример *lucivilian-s* (гражданские лица), где *lu* в ачоли кодирует как определенность, так и множественное число, а английский кодирует множественное число.

Ранние системные морфемы и внутренние «острова» встраиваемого языка

Когда ранние системные морфемы встраиваемого языка, особенно маркер множественного числа, встречаются совместно с содержательными морфемами встраиваемого языка в рамке матричного языка, речь идет об «островах» встраиваемого языка, как в испанско-английском *tant-a-s thing-s* (so many things). «Острова» представляют собой правильно оформленные на встраиваемом языке фразы и могут быть разной длины — от уровня слова до уровня фразы. Многие внутренние «острова» встраиваемого языка содержат важные для интенций говорящего «блоки» коллокаций, которые обрамляются матричным языком [1]. Например, «остров» *on the weekend* в француско-английской двуязычной фразе. Ср. каджун-француско-английские фразы *la real thing*, *le highest class*, *sa little salary*, которые обнаруживают системные морфемы матричного, а не встраиваемого языка. Их едва ли можно признать островами. Преобладание именно пиджинизированных, морфологически смешанных двуязычных единиц свидетельствует о том, что в двуязычной речи всегда, когда это возможно, соблюдается принцип однородной структуры. Ср. волоф-английскую фразу в рамке матричного языка волоф *Sa little salary rek la* (It is only your little salary).

Поздние системные морфемы

В отличие от ранних системных морфем два типа поздних системных морфем «назначаются» структурой языка. Термин «поздний» предполагает, что они активируются на более позднем уровне речепроизводства. В то время как ранние системные

морфемы в основном выстраивают семантическую структуру высказывания, поздние системные морфемы выстраивают синтаксическую структуру. Поздние системные морфемы включают соединительные и внешние (метафорически — «соединительные морфемы» (bridges) и «внешние морфемы» (outsiders)). Поздние системные морфемы отвечают принципу однородной структуры, они сохраняют последовательность структуры матричного языка, указывают на отношения между частями предложения, являются тем цементом, который скрепляет предложение.

Поздние соединительные системные морфемы

Поздние соединительные системные морфемы обеспечивают «мосты» между элементами, из которых конструируются более крупные структуры. Существует важное различие между соединительными и внешними системными морфемами. Соединительные морфемы зависят от информации в пределах их максимальной проекции, в то время как внешние системные морфемы зависят от информации за пределами максимальной проекции, в которой они появляются. Кроме того, соединительные морфемы, по-видимому, имеют инвариантную форму (они составляют единый алломорф); напротив, поздние внешние морфемы имеют более чем один алломорф. Английский предлог *of* является примером соединительной системной морфемы в примере *requirements of the college*, так же как и *'s* в примере *Lena's shoe*. Во французском языке *de* — аналогичная соединительная морфема, как в *le franc,ais de Bruxelles*. Пример ниже отражает аналогичную соединительную морфему из хинди (*kii*) с причастием:

merii paatnii saaRii kii choice kar-egii
(Моя жена *выберет* сари).

Соединительные морфемы варьируются, они требуются в одних языках и могут не требоваться в других. В смешанных двуязычных компонентах чаще всего встречаются соединительные морфемы матричного языка:

- Ачоли — английский

Chances me accident pol ka i-boarding taxi
(Шансы на аварию [многочисленны], если вы садитесь в такси).

Хотя большинство соединительных морфем происходят из матричного языка, в литературе отмечаются и исключения в виде соединительных морфем встраиваемого языка, ср. арабская соединительная морфема *djal*, присутствующая в марокканском

французско-арабском предложении, обрамленном матричным французским языком *connaissance dyal la personne* (знание человека).

Поздние внешние системные морфемы

Второй тип поздних системных морфем — внешние. Как отмечено выше, этот тип морфем отличается от соединительных тем, что зависит от информации, которая исходит из элемента в другом высказывании или из дискурса в целом. Например, согласование субъекта и предиката реализуется поздней внешней системной морфемой. Поздняя системная морфема может соотноситься с нулевым местоимением, грамматические особенности которого определяются более широким дискурсом. Например, в испанском языке *-en* на глаголе *corr-en* является поздней системной морфемой во фразе *corren* ([они] бегут) и *los estudiantes corren* (студенты бегут).

Безусловно, внешние морфемы являются наиболее важными и однозначными поставщиками грамматических (синтаксических) структур. Они обеспечивают точную индексацию отношений, которая выходит за рамки порядка слов и базовой составляющей структуры. Внешние морфемы связывают элементы на другом уровне [14]. Грамматические отношения, индексируемые внешней морфемой, усиливают семантическую согласованность внутри предложения в рамках более широкого дискурса. Кроме того, внешние морфемы являются основным бастионом для поддержания однородной структуры в предложении. Распределение поздних системных внешних морфем является определяющей чертой переключения кодов. За редким исключением внешние морфемы в смешанных двуязычных высказываниях всегда происходят из матричного языка.

В некоторых примерах переключений кода внешние морфемы матричного языка как признаки грамматического согласования встречаются с глаголами встраиваемого языка, например:

- Суахили — французский

Donc, (h)ii richesse y-ote (h)ii i-na-tu-appartenir shi ba-toto y-ake

(Итак, все эти богатства, они принадлежат нам, его детям).

Если матричный язык является падежным, причем падежи управляются глаголами (с предлогами или без), падежные маркеры также являются внешними морфемами. Почти все без исключения элементы встраиваемого языка по-

лучают ожидаемые маркеры матричного языка. Например:

- Турецко-голландский
evet, terras-ta oturuyorlar
(Да, они сидят в кафе на открытом воздухе).
- Русско-английский
Zachem ty na grass-e valjajesih'sja
(Зачем ты на траве валяешься?)

Заключение и перспективы использования в контексте социальной маркированности речи билингов

Ранние исследования в области контактной лингвистики избегали концепции кодовых переключений, вместо этого сосредоточившись на возможных изменениях, вызванных контактом, или диалектных вариациях. Например, корифей современной контактной лингвистики У. Вайнрайх [19], как известно, не считал убедительной теорию двуязычных кодовых переключений, утверждая, что поиск организующих принципов в переключениях кодов заводит в теоретический тупик. Нам удалось, опираясь на модели РММЯ и 4-М наряду с принципом однородной структуры, показать, что учет переключений кодов возможен. Принцип однородной структуры — «никакого хаоса не допускается», он является предпосылкой предсказуемости разделения ролей участвующих языков и типов морфем. В свою очередь это разделение мотивирует модель речепроизводства и организует когнитивные компоненты, лежащие в основе речемыслительных процессов.

Из трех типов системных морфем ранние системные морфемы являются наименее ограниченными, поскольку они активируются концептуально, тогда как соединительные морфемы и внешние морфемы назначаются структурно. По нашим наблюдениям, наиболее частыми ранними системными морфемами, почти настолько же важными, как содержательные, являются аффиксы множественного числа и определенные артикли. Далее нам встретилось лишь несколько типов соединительных системных морфем встраиваемого языка и ни одной внешней морфемы встраиваемого языка в смешанных компонентах (за исключением довольно редких типов «островов» встраиваемого языка).

Итак, различия в распределении морфем между языками являются систематическими и вытекают из моделей РММЯ и 4-М, а также из принципа однородной структуры. Они вполне поддаются эмпирической проверке. Эти различия также

подразумевают некоторые выводы о речепроизводстве и когнитивных системах, поддерживающих язык.

Во-первых, «разделение труда» между языками при переключении кодов, когда только один язык обеспечивает морфосинтаксическую рамку двуязычного предложения, по-видимому, также подразумевает некоторые разделения внутри когнитивных процессов, поддерживающих эту поверхностную асимметрию. Конечно, переключение кодов во время двуязычного речепроизводства подразумевает, что оба языка активны, но матричный язык имеет более высокий уровень активации.

Во-вторых, принцип однородной структуры подразумевает, что когнитивная энергия сохраняется, позволяя лишь незначительные переключения в виде неизменяемых «островов» встраиваемого языка. Если мы посмотрим на частоту, с которой содержательные морфемы встраиваемого языка интегрируются в структуру матричных фреймов, и сопоставим эту частоту с предписанием принципа однородной структуры, мы увидим, что доступ к словам из встраиваемого языка требует другого типа или уровня активации, чем создание морфосинтаксической структуры.

В-третьих, роль встраиваемого языка явно ограничена. Наиболее очевидно, что встраиваемый язык никогда не структурирует какие-либо компоненты, которые включают морфемы матричного языка. Это означает, что у встраиваемого языка мало возможностей предоставить какую-либо системную морфему для двуязычной речи, за исключением «островов», но типичные «острова» встраиваемого языка не модифицируются, не требуют внешних морфем. Кроме того, за исключением случайных ранних системных морфем или менее частых соединительных системных морфем, встраиваемый язык поставляет в структуру матричных языков только содержательные морфемы. Недостаток внешних системных морфем из встраиваемого языка обуславливает вывод о том, что когнитивный компонент, поддерживающий этот тип морфем, может быть независим от когнитивного компонента, который координирует более простые морфосинтаксические конструкции. Насколько же сложные задачи должна выполнять эта ментальная архитектура: внешние морфемы критически важны в индексации тематических ролей и других отношений семантико-синтаксического интерфейса, без них не может быть высказывания.

Данные кодовых переключений подтверждают гипотезу о «дифференциальном доступе» к морфе-

мам. Эта гипотеза предполагает, что элементы, лежащие в основе содержательных и близких системных морфем, заметны на первом (раннем) уровне, а поздние соединительные и внешние морфемы (точнее, морфосинтаксемы) становятся заметными только на следующем уровне речепроизводства. В частности, поздние системные морфемы не являются заметными до тех пор, пока они не будут вызваны в памяти леммами, лежащими в основе содержательных морфем, для построения более крупных составляющих на этапе формулировки высказывания (то есть в «формуляторе»).

РММЯ представляет собой модель грамматической рамки и не связана напрямую с моделью социальных значений, хотя термины «матричный язык» или «встраиваемый язык» могут использоваться в обеих моделях. Для любой коммуникативной ситуации существует немаркированный, ожидаемый набор прав и обязанностей в построении высказываний и маркированный, дифференцирующий. Нижеследующий пример иллюстрирует немаркированный (с переходом на маркированность) диалог клерка и клиента в банке Найроби. Немаркированным кодом собеседником является суахили. Клиент начинает говорить на немаркированном суахили, а затем переключается на луо, общий с клерком этнический язык, чтобы индексировать социальную солидарность с клерком и попытаться запросить дополнительную помощь.

Клерк (суахили): Ee-sema (Что бы вы хотели?)

Посетитель: Nipe fomu ya kuchukua pesa (Дайте мне, пожалуйста, форму для снятия денег).

Клерк: Nipe kitabu kwanza (Дайте мне, пожалуйста, сначала вашу сберегательную книжку). (*Посетитель подает клерку сберегательную книжку.*)

Посетитель: Hebu, chukua fomu yangu (Скажите, пожалуйста, как насчет моей формы?)

Клерк: Wwana, huwezi kutoa pesa leo kwa sababu hujamaliza siku saba (Господин, вы не можете снять деньги сегодня, потому что еще не прошло семи дней с момента последнего снятия суммы со счета).

Посетитель (переходит на луо): Konyu an marach (Помогите, пожалуйста, я в беде).

Клерк (также переходит на луо): Anyalo konyu, kik inuo kendo (Я могу вам помочь, но не повторяйте, пожалуйста, этого).

Модель маркированности связана с переключением кодов в той или иной ситуации общения, при этом матричный язык является более активным и чаще используемым, а встраиваемый язык — более ограниченным. В типичном речевом взаимодействии обычно, хотя и необязательно, матричный язык

соответствует немаркированному выбору, а встраиваемый — маркированному. То же касается перехода в речи на двуязычные высказывания, где обычно (но необязательно), основной язык выполняет роль немаркированной матричной рамки, а второй — маркированных встраиваемых компонентов.

Список литературы

1. Backus A. Units of codeswitching: Evidence for multimorphemic elements in the lexicon // *Linguistics*. 2000. 41 (1). P. 83—132.
2. Blom J., Gumperz J. J. Social Meaning in Linguistic Structures: Code Switching in Northern Norway // John Gumperz and Del Hymes (eds.): *Directions in Sociolinguistics: The Ethnography of Communication*. New York: Holt, Rinehart, and Winston, 1972. P. 407—434.
3. Bock K. & Levelt W. J. M. Language Production: Grammatical Encoding // M. A. Gernsbacher (ed.), *Handbook of Psycholinguistics*. San Diego, CA: Academic Press, 1994. P. 945—984.
4. Brown R. A first language. The early stages. Cambridge (Mass.): Harvard Univ. Press, 1973. 437 p.
5. De Bot K. Cognitive processing in bilinguals: Language choice and codeswitching // R. B. Kaplan (ed.). *The Oxford handbook of applied linguistics*. New York: Oxford Univ. Press, 2002. P. 287—300.
6. Ferguson C. A. Diglossia // *Word-Journal of the International Linguistic Association*. 1959. Vol. 15, № 2. P. 325—340.
7. Garrett M. Process in sentence production // *The Cambridge Linguistics Survey / Frederick Newmeyer* (ed.). Cambridge Univ. Press, 1988. Vol. 3. P. 69—96.
8. Gumperz J. J. (ed.). *Language and social identity*. Cambridge Univ. Press, 1982. Vol. 2.
9. La Heij W. Selection processes in monolingual and bilingual lexical access // *Handbook of bilingualism: Psycholinguistic approaches / J. F. Kroll, A. M. B. de Groot* (eds.). Oxford: OUP, 2005. P. 289—307.
10. Levelt W. J. M. *Speaking: from intention to articulation* Cambridge, MA: M.I.T. Press, 1989. 584 p.
11. Myers-Scotton C. Code-Switching // *The Handbook of Sociolinguistics / F. Coulmas* (ed.). Blackwell Publ., 1997. P. 217—237.
12. Myers-Scotton, C. M. *Contact Linguistics, bilingual encounters and grammatical outcomes*. Oxford: OUP, 2002.
13. Myers-Scotton C. *Duelling languages: Grammatical structure in code-switching*. Oxford: Oxford Univ. Press, 1993. 285 p.
14. Myers-Scotton C. Language contact: Why outsider system morphemes resist transfer // *Journal of Language Contact*. 2008. THEMA 2. P. 21—41.
15. Myers-Scotton C. *Social motivation for codeswitching: Evidence from Africa*. Oxford: Clarendon Press (Oxford Univ. Press), 1995. 177 p.
16. Myers-Scotton C. Testing a Model of Morpheme Classification with Language Contact Data // *International Journal of Bilingualism*. 2000. Vol. 4, № 1. P. 1—8.
17. Myers-Scotton C., Jake L. J. Explaining aspects of codeswitching and their implications // *One mind, two languages. Bilingual language processing / Janet L. Nicol* (ed.). Blackwell Publ., 2001. P. 84—116.
18. Ullman M. The neural basis of lexicon and grammar in first and second language: the declarative/procedural model // *Bilingualism: Language and Cognition*. 2001. 4 (2). P. 105—122.
19. Weinreich U. *Languages in Contact: Findings and Problems*. New York, 1953. (Reprint, Mouton, The Hague, 1963.)

Сведения об авторе

Майерс-Скоттон Кэрол — доктор философии, адъюнкт-профессор Университета штата Мичиган, приглашенный эксперт Центра африканских исследований Университета штата Мичиган, США. cmsbingwa@gmail.com

Bulletin of Chelyabinsk State University.

2021. No. 7 (453). *Philology Sciences. Iss. 125. Pp. 100—109.*

THE MATRIX LANGUAGE FRAME MODEL AND CODE-SWITCHING IN BILINGUAL SPEECH

C. Myers-Scotton

*Michigan State University, Department of Linguistics and Languages,
African Studies Center, East Lansing, USA. cmsbingwa@gmail.com*

The article briefly discusses the essence of the matrix language frame model and the 4-M model. The MLF model describes the process of speech production as a sequence of stages and steps, special attention is paid to switching codes in bilingual speech. The Matrix Language supplies the morphosyntactic framework of the text as well as supplying most of the meaningful elements. The Embedded Language can contribute some textual elements that satisfy intended meanings more appropriately than the Matrix Language elements. It also can contribute full sentences (i.e. “Embedded Language Islands”). The MLF model is a model of the grammatical frame and is not directly related to a model of social meanings although some of the same terms (i.e. Matrix or Embedded) may be used in both model.

Keywords: *code-switching, the matrix language, the embedded language, content morphemes, system morphemes, bridge late morphemes, outsider late morphemes.*

References

1. Backus A. (2000) *Linguistics*, no. 41 (1), pp. 83—132.
2. Blom J., Gumperz J. J. (1972) Social Meaning in Linguistic Structures: Code Switching in Northern Norway. *Gumperz J., Hymes D. (eds.). Directions in Sociolinguistics: The Ethnography of Communication*. New York, Holt, Rinehart, and Winston. Pp. 407—434.
3. Bock K., Levelt W. J. M. (1994) Language Production: Grammatical Encoding. *Gernsbacher M. A. (ed.). Handbook of Psycholinguistics*. San Diego, CA: Academic Press. Pp. 945—984.
4. Brown R. (1973) A first language. The early stages. Cambridge (Mass.), Harvard Univ. Press.
5. De Bot K. (2002) Cognitive processing in bilinguals: Language choice and codeswitching. *R. B. Kaplan (ed.). The Oxford handbook of applied linguistics*. New York, Oxford Univ. Press. Pp. 287—300.
6. Ferguson C. A. (1959) *Word-Journal of the International Linguistic Association*, vol. 15, no. 2, pp. 325—340.
7. Garrett M. (1988) *The Cambridge Linguistics Survey*. Cambridge Univ. Press, vol. 3, pp. 69—96.
8. Gumperz J. J. (ed.) (1982) *Language and social identity*. Cambridge Univ. Press, vol. 2.
9. La Heij W. (2005) Selection processes in monolingual and bilingual lexical access. *Kroll J. F., Groot A. M. B. de (eds.). Handbook of bilingualism: Psycholinguistic approaches*. Oxford, OUP. Pp. 289—307.
10. Levelt W. J. M. (1989) *Speaking: from intention to articulation* Cambridge, MA: M.I.T. Press.
11. Myers-Scotton C. (1997) Code-Switching. *Coulmas F. (ed.). The Handbook of Sociolinguistics*. Blackwell Publ. Pp. 217—237.
12. Myers-Scotton, C.M. (2002). Contact Linguistics, bilingual encounters and grammatical outcomes. OUP.
13. Myers-Scotton C. (1993) Duelling languages, Grammatical structure in code-switching. Oxford, Oxford Univ. Press.
14. Myers-Scotton C. (2008) *Journal of Language Contact*. THEMA 2, pp. 21—41.
15. Myers-Scotton C. (1995) Social motivation for codeswitching: Evidence from Africa. Oxford, Clarendon Press (Oxford Univ. Press).
16. Myers-Scotton C. (2000) *International Journal of Bilingualism*, 4/1, pp. 1—8.
17. Myers-Scotton C., Jake L. J. (2001) Explaining aspects of codeswitching and their implications. *Janet L. N. (ed.). One mind, two languages. Bilingual language processing*. Backwell Publ. Pp. 84—116.
18. Ullman M. (2001) *Bilingualism: Language and Cognition*, 4 (2), pp. 105—122.
19. Weinreich U. (1953) *Languages in Contact: Findings and Problems*. New York. (Reprint, Mouton, The Hague, 1963.)